

Ю. Щербачев

**Поездка в Египет. Из
Константинополя в Каир. По
Нилу и на Суэцком канале**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Ю11

Ю. Щербачев
Ю11 Поездка в Египет. Из Константинополя в Каир. По Нилу и на Суэцком канале / Ю. Щербачев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 348 с.

ISBN 978-5-458-29515-4

Предлагаемые наброски ни политических, ни экономических вопросов не затрагивают, а касаются исключительно путевых впечатлений туриста, осматривающего то, что осматривалось, осматривается и во веки будет осматриваться в Египте. Об авторе Щербачев Юрий Николаевич (1853-1917) - представитель древнего русского рода, историк, генеалог, дипломат, тайный советник.

ISBN 978-5-458-29515-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Поѣздка эта относится собственно къ 1876 году. Однако, за истекшія семь лѣтъ на берегахъ Нила и Суэзскаго канала ничто не измѣнилось изъ того, что здѣсь описано: предлагаемые наброски ни политическихъ, ни экономическихъ вопросовъ не затрогиваютъ а касаются исключительно путевыхъ впечатлѣній туриста, осмотрѣвшаго то, что осматривалось, осматривается и во вѣки будетъ осматриваться въ Египтѣ.

Наброски эти разновременно появились на страницахъ Русскаго Вѣстника. Въ настоящей книжкѣ нѣкоторыя утомительныя подробности — по большей части архелогическія — перенесены изъ текста въ примѣчанія.

I.

3-го января.

Константинъ протяжно засвистѣлъ, пуская въ небо струю бѣлаго какъ свѣтъ пара, и тронулся.

— Не забывайте насъ, пишите! кричали изъ канка польскіе товарищи.

Перевѣсившись за бортъ, я кивалъ имъ головою въ отвѣтъ на тѣ прощальные порученія и совѣты, которые произносятся въ послѣднюю минуту предъ разлукой и обыкновенно не имѣютъ никакого смысла.

— Возвращайтесь скорѣе!

— Вспомните обо мнѣ, когда будете въ Бейрутѣ.

— Смотрите, не заболѣйте!

Банкъ началъ замѣтно отставать.

— Привези мнѣ пирамиду, просилъ одинъ изъ провожавшихъ;—конечно выбери которая поменьше...

Другой сложилъ руки рупоромъ и приставилъ ихъ ко рту.

Достаньте сфинкса! кричалъ онъ,—непремѣнно живаго... или негрѣтѣнка, они тамъ дешевы, содержать ничего не стѣитъ—ѣдятъ всякую дрянь... когда вырастетъ, перепродадимъ съ ба-ры-шомъ!..

Долетѣло еще нѣсколько словъ искалѣченныхъ разстояніемъ, и товарищи замахали платками: навѣвая попутный вѣтеръ, платки гнали прочь бурю, смерчи и подводные камни.

За кормою тянулась по Босфору бирюзовая лента воды съ узорами изъ пѣны; неуловимо-причудливые, они таяли, сливались и вновь расходились по поверхности: точно морскія царевны съ волшебною быстротою плели и расплетали

венеціанское кружево; нѣсколько чаекъ слетѣлось полюбоваться на это диво.

Солнце между тѣмъ зашло: на азіатскомъ берегу пыле-мемъ вспыхнули, отражая закатъ, безчисленныя окна Скутари и Кадикѳа; Стамбуль плотнѣе окутался въ жемчужный туманъ, и только абрисы его мечетей вырѣзались на огненной полосѣ зари; надъ лѣсомъ маятъ у пристани, черепичныя крыши Галаты и Перы * смѣшались въ безформенную массу. Далеко за нами, шпркеты **, свистя, дымясь и лопоча колесами, снуютъ въ устьѣ Золотаго Рога и разгоняютъ лодки велпчною съ орѣховую скорлупку. Вонъ и знакомый капкъ. Товарищи, — маленькіе премаленькіе, — все еще машутъ платками. Прощайте, прощайте... Прощай Константинополь!

Предо мною открытое море; лѣвѣе еще видны Принцезы острова и южный берегъ Исмидскаго залива, а прямо ничего не видать кромѣ неба и воды.

Путешествіе изъ Константинополя въ Александрію съ пароходами Русскаго Общества, заходящими въ малоазійскіе порты и на нѣкоторые острова Архипелага, длится 12 — 13 сутокъ. Съ Ллойдомъ и египетскою компаніей Хедивіе можно совершить этотъ переѣздъ прямымъ сообщеніемъ менѣе чѣмъ въ недѣлю. Нынѣшнею зимою и наши пароходы, минуя сирійскій берегъ, гдѣ, вслѣдствіе чумы въ Багдадѣ, былъ учрежденъ карантинъ, ходили въ Александрію въ шесть дней. Но вчера, когда я уже взялъ билетъ въ русскомъ агентствѣ, было получено извѣстіе о снятіи карантина, и *Константинъ* снова дѣлаетъ круговой рейсъ. ***

Кромѣ меня въ первомъ классѣ всего двое пассажировъ, оба въ сертукахъ турецкаго покроя и въ фескахъ: одинъ

* Константинопольскіе кварталы, расположенные противъ Стамбула по другую сторону Золотаго Рога.

** Такъ называются сокращенно пассажирскіе пароходы компаніи Ширкетъ-и-Хайріе (т.-е. компаніи „Хайріе“), поддерживающіе сообщенія между Константинополемъ и безчисленными мѣстечками, разсыпанными по берегамъ Босфора.

*** Съ 1878 года и Русское Общество установило правильные рейсы прямого сообщенія.

съ просѣдью въ подстриженной бородѣ.—Нусретъ-паша, только что назначенный генераль-губернаторомъ въ Адану; другой—черномазый молодой человѣкъ, повидимому его секретарь.

Нусретъ-паша ѣдетъ въ Мерсину, ближайшую отъ Аданы гавань; онъ везетъ съ собою гаремъ (семейство): жену, дѣтей и невольницъ. Женщины одѣты въ неуклюжіе, скрывающіе станъ подрясники изъ полосатой матеріи, какую обыкновенно употребляютъ на перны. (Семень Семеновичъ, капитанъ *Константина*, называетъ нашихъ спутницъ ходячими матрацами); вмѣсто прозрачныхъ яшмаковъ, чадры изъ темнаго ситца покрываютъ лицо: не разберешь даже которая госпожа. Ихъ почти и не видно; сидятъ онѣ въ дамской комнатѣ или за занавѣской въ глубинѣ каютъ-компаніи; порою вная прошмыгнетъ мимо насъ безпумною поступью...

Генераль-губернаторъ и его секретарь по-французски объясняются довольно плохо, но понять можно. Первый разказываетъ о своихъ похожденияхъ въ Европѣ, въ особенности любитъ останавливаться на пребываніи своемъ въ Парижѣ; говоритъ о всемірной выставкѣ, о дворѣ. Секретарь слушаетъ съ благоговѣніемъ.

— Императоръ Наполеонъ III предложилъ мнѣ однажды чубукъ, повѣствовалъ между прочимъ Нусретъ-паша,—а я никогда не курю, потому что это портитъ желудокъ. „Хоть я и Турокъ“, отвѣчалъ я его величеству, „однако не курю, какъ Турокъ“. Императоръ много смѣялся. И тутъ же Нусретъ-паша вспомнилъ о какомъ-то черномъ соусѣ, которымъ его угощали во дворцѣ: ни сперва, ни послѣ ему не случилось ѣсть ничего подобнаго.

Переходя къ настоящему, генераль-губернаторъ вздыхаетъ и покачиваетъ головой:

— Надолго ли я ѣду въ Адану? меня могутъ отозвать чрезъ шесть недѣль; а какъ дорого стоятъ такія передвиженія! на одни бакшиши сколько истратишь.

Мнѣ вспомнилось, какъ нѣсколько часовъ назадъ чиновники, муллы, софты и разныя подозрительныя личности,

прѣихавъ провожать Нусретъ-пашу на пароходъ, поочередно исчезали въ его каютѣ; тамъ звенѣли деньги. Черезъ мину-ту посѣтитель выходилъ задомъ, низко кланяясь и зажимая въ рукѣ золотыя лиры.

— Я сирашивалъ верховнаго визиря, продолжалъ Нусретъ-паша,—насколько времени меня посылають?... Еслибъ я зналъ, что черезъ три мѣсяца меня отзовутъ, я бы вовсе не поѣхалъ.

— Надо бы сначала спросить у султана, долго ли продержится Махмудъ-Недимъ * шепнуть мнѣ секретарь.

Каймакамовъ (губернаторовъ), министровъ, верховныхъ визирей смѣняютъ каждую пятницу; говорилъ молодой человекъ, оставшись со мной наединѣ: гдѣ же быть порядку? Намъ, мелкимъ чиновникамъ, по году не платятъ жалованья: поневолѣ мы воры и взяточники.

Младшій изъ моихъ спутниковъ, какъ и всѣ представители юной Турціи, большой охотникъ до самобичеванія.

Обѣдъ въ обществѣ Турокъ показался мнѣ весьма забавнымъ. Чтобы не ударить въ грязь лицомъ предо мною и капитаномъ, они старались ѣсть по-европейски; однако въ обращеніи ихъ съ ножомъ и вилкой проглядывала нѣкоторая нерѣшительность: Востокъ незнакомъ съ употребленіемъ этихъ инструментовъ. Когда Нусретъ-пашѣ подали къ рыбѣ судокъ со множествомъ графинчиковъ, онъ изъ всякаго отсыпалъ или отлилъ себѣ въ тарелку: тутъ были масло, укусъ, толченый сахаръ, перецъ, горчица, англійская соя... Генераль-губернатору очень понравилось, и онъ снова упомянулъ о черномъ соусѣ, который ѣлъ въ Парижѣ. Между блюдами Нусретъ-паша вынималъ серебряные часы луковичей, заставлялъ ихъ бить и подносилъ къ уху. Секретарь, наливая вина *вам* **, подобострастно вставалъ съ мѣста и лѣвую руку въ знакъ почтенія прикладывалъ къ животу. Косая дѣвочка, дочь генераль-губернатора, въ теченіе обѣда нѣсколько разъ подходила къ отцу; тотъ руками давалъ ей

* Тогдашній верховный визирь.

** Генераль-губернаторъ.

съ тарелки кость или кусокъ жаркаго и говорилъ по-турецки: пошла вонъ! Дѣвочка исчезала за занавѣской. Въ свою чашку кофе Нусретъ-паша положилъ изъ коробочки какого-то пахучаго порошку и мнѣ предложилъ отвѣдать.

Вечеромъ, послѣ чаю, всѣ вышли на ютъ (кормовая часть палубы). Было холодно, но безвѣтренно и пароходъ шелъ словно по рѣкѣ. Небо усыяли крупныя звѣзды. Снизу слышалось бречаніе фортепіанъ, напоминавшее звуки тѣхъ шарманокъ, въ которыхъ будто сидитъ кто-то и бойко колотитъ деревянными пальцами по клавишамъ.

— C'est madame! съ гордостью промолвилъ Нусретъ-паша.

4-го января.

Къ утру мнѣ приснилось, что я качаюсь на качеляхъ; подѣ байковымъ одѣяломъ было тепло, и спалось такъ сладко что я, кажется, проспалъ бы до самой Александріи, еслибы качели внезапно не остановились... Мы отдали якорь. Сквозь круглый иллюминаторъ, точно картина въ рамкѣ, видѣлась набережная съ высокими опрятными зданіями.

— Дарданеллы,—наша первая станція, объяснилъ мнѣ сквозь дверь Семенъ Семсновичъ;—ни одного пассажира, а грузу взяли два мѣшка лѣсныхъ орѣховъ.

Одѣвшись, я поспѣшилъ наверхъ, но городъ уже скрылся; мы снова плыли: на холмистыхъ берегахъ печально чернѣли нагія деревья и кустарники; вездѣ попадались крѣпостцы, старинныя замки, неприглядныя мѣстечки.

Проливъ—эта блѣдная копія Босфора—хорошъ только весною, когда деревья въ полномъ цвѣту, холмы покрыты первою зеленью.

Lustige Delphinenschaaren
Scherzen in dem silberklaren,
Reinen Element umher,

и голубыя волны, звучнѣе шиллеровскихъ стиховъ, разказываютъ трогательную повѣсть любви Леандра и Геро.

Теперь же все мрачно кругомъ, небо хмуро, того и гляди пойдётъ снѣгъ.

На пароходѣ нѣтъ и слѣда вчерашней суматохи: въ трюмъ не валяются ящики, лебѣдка-тараторка молчитъ *; не суетится и не ругается разноплеменная толпа путешественниковъ... Лишнія вещи убраны подальше; вокругъ трубы и у бортовъ разостланы для сидѣнья одѣяла и ковры. Всякій занятъ своимъ дѣломъ: кто спитъ, кто ѣстъ, кто смотритъ на вьющихся надъ кормою альбатросовъ; не слышать голоса человѣческаго; только машина глухо шумитъ, да водорѣзь пѣнитъ море подъ гипсовымъ изображеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

Три богатыря—не то Грузины, не то Черкесы—въ высокихъ черныхъ шапкахъ и заскорузлыхъ башмакахъ на босу ногу, держатся въ сторонѣ отъ прочихъ пассажировъ; они водятъ за руки лѣтъ семи дѣвочку, одѣтую какъ кукла; ея шелковая кофта, богатый съ золотымъ отливомъ платокъ, чисто вымытая мордочка совсѣмъ не подходятъ къ ихъ оборваннымъ фигурамъ и суровымъ лицамъ, обросшимъ до глазъ волосами.... Неужели она дочь одного изъ этихъ страшилищъ?

Черкесы посмотрѣли на меня недоброжелательно, когда я послалъ дѣвочкѣ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, но она тихо высвободилась изъ ихъ рукъ и безъ страха, безъ свойственныхъ ея возрасту ужимокъ подошла ко мнѣ. Черезъ полчаса мы были пріятелями: видно яблоки, взятыя мною у буфетчика, понравились молодой красавицѣ. Гуляя по палубѣ, мы вели самый оживленный разговоръ—я по-русски, она на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Дѣвочку все занимало: она смотрѣла, какъ въ машинѣ, стуча и шипя, ходятъ взадъ и впередъ поршни, какъ глубоко внизу, въ полумракѣ, кочегаръ возится у печки, кидая лопатой уголь въ раскаленное жерло, какъ поваръ шпаритъ только что зарѣзанную курпцу. Около кухни, между кускомъ баранины и

---

* Лебѣдка—снарядъ при помощи котораго спускаютъ въ трюмъ и вынимаютъ оттуда грузъ.

связкой салата висѣла клѣтка съ утками, осужденными на стѣженіе; собесѣдница моя прѣсовывала къ нимъ пальчики съ крашеными ногтями *; утки ежились и слабо покрякивали. Невдалекѣ, покрытая мохнатою попоной, стояла лошадь Нусреть-паши; хозяинъ трепалъ ее по шеѣ и называлъ ласкательными шенами. Дѣвочка непременно хотѣла вступить съ нимъ въ разговоръ, но *вали* насъ не замѣчалъ.

„Кузумъ! (ягвенокъ мой)!“ говорилъ онъ, глядя въ глаза красивому животному и цѣлуя его въ бархатныя ноздри.

Когда Нусреть-паша объясняется со своею лошадыю, лице его становится очень симпатичнымъ, и мнѣ жалъ, что онъ такъ несносенъ за обѣдомъ: чувствуя ко мнѣ расположеніе за то, что я терпѣливо выношу его безконечныя разглагольствованія, генералъ-губернаторъ подсыпаетъ мнѣ въ знакъ дружбы своего отвратительнаго порошку не только въ кофе, но и въ пирожное, въ овощи, даже въ супъ.

Митилене.—На пароходъ сѣлъ нѣкто г. Алира, типъ Грека-негоціанта, нажившаго себѣ состояніе путемъ... всякими путями. Семень Семеновичъ не любитъ Грековъ; по его словамъ, каждый изъ нихъ—олицетворенное тщеславіе и алчность къ деньгамъ. Грекъ живетъ широко; домъ его убранъ безъ вкуса, но богато; накупить онъ по случаю, баснословно дешево, ковровъ, китайскихъ вазъ и японскихъ болвановъ; лакеевъ одѣнетъ въ ливреи (по утрамъ они служатъ въ грязномъ бѣльѣ и боспкомъ); вензель такой на каретѣ выставить, что и вблизи не разглядишь хорошенько,—выходить что-то въ родѣ герба. У жены его пріемные дни; подають чай, глико (греческое варенье), мороженое; хозяинъ тароватъ и радушень; но „гдѣ до прибыли коснется“, тамъ пальца ему въ ротъ не клади,—у себя же на вечерѣ васъ въ карты обыграетъ! И Семень Семеновичъ невнятно, но крѣпко, произнесъ нѣсколько неодобрительныхъ словъ.

Я вышелъ посмотреть на Митилене. Увы, окрестность была покрыта мракомъ; очерки горъ и мачты сосѣднихъ су-

---

* Обычай красить ногти прежде былъ общимъ на Востоцѣ; теперь онъ сохраняется лишь въ простонародіи.

довъ еле выдѣлялся на небосклонѣ, по берегу же мигали одни красные огоньки...

— Протащилъ такі! съ досадой воскликнулъ чей-то голосъ; оглянувшись, я узналъ капитана.

— Ужь я ли не караулить, продолжалъ онъ съ жаромъ;— всѣ глаза просматрѣлъ, да нелегкая дернула отвернуться— матросъ скатился въ трюмъ,—на мгновеніе отвернулся, а онъ въ это время и протащилъ!

— Кто? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Алярá.

— Кого?

— Горничную свою, въ первый классъ, да такъ ловко, что никто не видалъ.

— Зачѣмъ же онъ протащилъ?

— А чтобы за нее не платить.—Самъ онъ служить въ нашемъ Обществѣ и имѣетъ безплатный проѣздъ. Сегодня цѣлый часъ ко мнѣ приставалъ, чтобы я еѣ даромъ во второй классъ посадилъ; я отказалъ, а теперь она въ первомъ даромъ поѣдетъ! Не будь этого Турка (вы свой человекъ— я бы предъ вами извинился), онъ у меня сейчасъ бы заплатилъ. Ну да завтра еще поглядимъ!... Этакаго скряги я отъ роду не видывалъ: денегъ куры не клюютъ, а посмотрите, спросить ли онъ себѣ хоть стаканъ чаю; сколько разъ ходитъ со мной и никогда не возьметъ билета на продовольствіе. Дѣтей и жену тоже голодомъ морить.

Настоящимъ образомъ я морскою болѣзнію не страдаю и во дни моей юности очень гордился этимъ. Бывало, пока другіе пассажиры лежали пластомъ въ койкахъ, я обѣдаль глазъ-на-глазъ съ капитаномъ,—и воображалъ, что онъ удивляется моей выносливости, втайнѣ уважаетъ меня. Разумѣется, въ то золотое время я напрягалъ всѣ силы души, чтобы казаться веселымъ. Но теперь, когда убѣдился, что капитанамъ рѣшительно все равно, укачиваетъ меня или нѣтъ, когда мнѣ самому стало все равно, какого они мнѣнія о моихъ мореходныхъ качествахъ, я не скрываю своей тоски во время сильнаго волненія.